
М. Э. Хийемяэ

СОВРЕМЕННЫЕ ЭСТОНСКИЕ УСТНЫЕ ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ.

(ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ)

Исследование репертуара устных рассказов — одна из сложных и интересных задач.

Проработав в течение 10 лет в лесничестве, автор имел возможность познакомиться с репертуаром и традицией повествования в среде работников лесничества, их семейств, а также лесорубов и охотников.

Начиная с 1964 года, автор продолжал собирать устные рассказы по всей территории Эстонии уже как сотрудник Отдела фольклора Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда в Тарту. В 1968 году был опубликован вопросник с перечнем рассказов об охоте и лесных зверях. Ученые по радио призвали население к сбору рассказов и произведений других жанров, относящихся к данной тематической группе. Вопросник был разослан не только корреспондентам Отделения фольклора, но и многим наблюдателям Общества естествоиспытателей, а также работникам охраны леса.

В результате целенаправленной работы были собраны сотни бытующих в настоящее время народных рассказов об охоте, лесных зверях, а также описания быта и верований, сведения о рассказывании и рассказчиках и т. д.¹

При сборе народных рассказов применялись различные методы: запись проводили местные корреспонденты; ученые вели наблюдения во время полевых работ в разных местностях; фольклористы собирали материал по исследуемой теме в конкретной местности в течение многих лет.

Полученные материалы позволяют внести ясность в некоторые проблемы фольклористики. Среди этих проблем: 1) состояние традиции повествования и ее изменение, местные и общие причины такого изменения; 2) социальное положение повествователя, его роль в коллективе и оценка слушателями; 3) возникновение новых сюжетов, преобразование сюжетов, уже широко известных; 4) художественные приемы, роль импровизации в репертуаре рассказчика; 5) проблемы жанровой принадлежности современных народных рассказов, и г. д.

На основании наблюдений и собранных материалов можно говорить, что тема охоты и зверей популярна прежде всего в кругах работников лесного хозяйства и охотников-любителей.

---

¹ Часть текстов опубликована в сборнике «Охотник в лес пошел. Были и небылицы об охоте и лесных зверях». Таллин, 1969 (на эстон. яз.).

На территории Эстонской ССР разрешена коллективная спортивная охота под надзором работников лесной охраны. Охотничьи истории рассказывают: когда собираются для коллективного выезда, до или после охоты, на отдыхе, на ночлеге, а также на традиционных вечерах, районных или республиканских слетах охотников и т. д. На слетах, однако, мы имеем дело с подготовленной программой. Здесь в исполняемых юморесках индивидуальное творчество переплетается с коллективным. И по ситуации исполнения подобные юморески нельзя отнести к числу истинно фольклорных, однако используемые при этом художественные приемы представляют большой интерес. Важно также проследить, как происходит дальнейшее распространение услышанных сюжетов.

Весьма устойчива традиция повествования в коллективах работников лесного хозяйства, которые постоянно трудятся вместе, и в их семьях. Характерно, что в маленьких постоянных коллективах появляются свои рассказчики, манера повествования которых становится для слушателей привычной. Более высоко оцениваются рассказчики-импровизаторы, умеющие приспособлять свой репертуар к интересам слушателей, связывать его с конкретными событиями и знакомыми лицами, зачастую из числа слушателей, умеющие на основании событий реальной жизни создавать художественно ценные рассказы. Не всегда рассказчик пользуется авторитетом, как член коллектива (например, он может быть ленивым, неудачником на охоте и т. п.). Оценка коллектива в таком случае может быть противоречивой: к исполнителю могут относиться недоброжелательно, но как рассказчик он все же оценивается высоко.

Существенное место в репертуаре занимают рассказы-воспоминания, базирующиеся на местном быте и событиях, которые особенно интересны именно для местного населения. Это в основном юмористически окрашенные рассказы о столкновениях со зверями, о различных происшествиях на охоте. Противопоставление зверя и человека зачастую создает комическую ситуацию, причем высмеивается именно человек. В подобных рассказах могут быть изображены прежние способы охоты, верования, столкновения работников лесной охраны и браконьеров; описывается и характер охотничьих собак. Наиболее часто употребляемый художественный прием — преувеличение. Нередко при этом рассказчик обращается к известным ему широко распространенным сюжетам. Так, например, в рассказе о енотовидной собаке, найденной на хуторе в амбаре, используется сюжет, отмеченный в каталоге Андреева² № 41 («Лиса и волк в амбаре (в погребке): волк так наедается, что не может вылезти; его убивают»). В рассказе о лисе, притворяющейся мертвой или раненой, факты реальной жизни излагаются так же, как в сказках о животных, широко распространенных в ряде стран (Андреев, № 1 — «Лиса крадет рыбу с воза, притворившись мертвой (человек бросает ее в сани с рыбой)» и Андреев, № 33 — «Лиса в яме: притворяется мертвой, человек выбрасывает ее из ямы, она убегает»).

Чтобы проследить, как складываются такие рассказы, требуется внимательное наблюдение на месте. Если же запись поступает в фольклорный архив без дополнительных данных, их возникновение выяснить невозможно. Даже компетентные слушатели не всегда умеют четко разграничить реальный факт и импровизированные эпизоды, выдуманные рассказчиком. Это замечание особенно касается некомпетентных слушателей, не знакомых с жизнью зверей и охотой. Иногда слушатели все рассказанное признают вымыслом. Этим, вероятно, объясняется то обстоятельство, что охотничьи рассказы в международных каталогах сказок (ср. каталоги Андреева и Аарне-Томпсона³) относятся к небылицам (*Lügenmärchen*, *Tales of Lying*). В качестве примера можно привести

² Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

³ A. Aarne-St. Thompson. *The types of the folktale*. Helsinki, 1961.

рассказ, основывающийся на событиях реальной жизни: охотник стреляет в тетерева, а позднее (возможно, по следам) замечает, что вблизи находился волк, который убежал, так как его напугал выстрел. Благодаря преувеличениям рассказ приобретает следующий вид:

«Пошел дед в лес охотиться на тетерева. Была еще зима, но уже ближе к весне. Стоя, с руки, трудно целиться. Дед взглянул вокруг, не найдется ли где-нибудь кочка, на которую можно опереться. Там такая нашлась. Дед лег за кочку, поставил ружье на нее и ждал. Не долго пришлось ждать, как прилетел красивый большой тетерев. Вот и бухнул дед со своего ружья. Но, боже небесный, что это такое?— Кочка вскочила, весь мир в снегу, дед от испуга кубарем покатился. Когда он через некоторое время опомнился, то увидел, что перед ним большая яма, а от ямы волчьи следы, и волк там бегает. Теперь деду стало ясно, что его кочка не что иное, как волк, который сидел в снегу.

Стал дед за птицей глядеть, куда та исчезла. Ну, тетерев там, недалеко, лежал. Дед его на плечо взвалил и радостно домой зашагал».

Иной характер носит рассказ, в котором старый широко распространенный сюжет переносится в местные условия. Это — характерная для современности тенденция, которая подробно рассматривается Э. В. Померанцевой⁴.

Включение примет местного быта, изображение в качестве действующих лиц знакомых людей или самого себя придает рассказу условную реальность; слушатели и не воспринимают рассказ всерьез. Примером может послужить рассказ, начало которого похоже на воспоминание молодости; позднее же он переходит в небылицу:

«Зимой нужно было поехать в город Пярну с зерном. Отец мне сказал: „Ты у меня уже довольно умелый парень, можешь и сам поехать. Пусть другие старики там тебе помогут мешки таскать”.

Я согласился. Отец запряг серую лошадь, навалил мешки и я поехал в Пярну.

В городе надо было отвезти зерно на одну мельницу. Мешки были очень тяжелые, и я их не смог сдвинуть с места, но другие мужчины помогли мне поднять их наверх.

Там был еще один мальчик, старше меня, лет 13—14, тот надо мной насмеялся: „Сам мужчина, а с мешками справиться не можешь!” Я стоял молча, и когда получил квитанции и прочие бумажки, сел на дровни и поехал обратно.

Дорога шла зимой по реке, а на реку можно было попасть через луг. Там мне и вспомнилось, что тот болван, который надо мной насмеялся, также свои мешки таскал не сам. Нужно было бы поехать обратно и его тоже немножко пробрать. Я привязал лошадь и пешком пошел обратно. Тот паренек еще был там и я его порядочно отругал, а сам убежал — поди знай, может быть еще исколотит.

Когда приблизился к лугу, увидел — что за диво — лошадь моя стала удивительно маленькой. Приблизился к дровням и тогда понял, что волк почти съел лошадь. Он, видимо, начал сзади и как раз грыз шею у хомута. Я прыгнул на дровни и хлестнул волка кнутом, а он захотел через хомут проскользнуть и убежать, но напрасно: живот его настолько распух, что никак не пролезал. Хомут зацепился за его шею, и он помчался с дровнями на реку и поскакал изо всех сил по дороге в село Тори. Я еще ему хорошенько кнутом поддал и поехал дальше со страшной быстротой к дому. От того, что он столько сожрал и от большого страха у него начался понос. Когда мы приблизились к имению Таали, хищник уже настолько похудел, что как-то удалось ему проскользнуть через хомут. Он понесся в лес, а я остался один на дровнях. Я оставил дровни на дороге, пошел домой и сказал, чтобы их убрали оттуда.

⁴ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1968.

С того времени меня больше на мельницу не посылали».

Как выясняется, мы имеем дело с небылицей (Андреев, № 1910 — «Медведь (волк) в упряжи: съедает лошадь (и т. п.), попадает в хомут, везет человека, затем убегает»). Названный выше сюжет известен у многих народов (у финнов, французов, литовцев, русских и др.). В рассказе же называются известные слушателям места. Такая тенденция развития рассказов ведет к стиранию границ жанра. Широко распространенные сюжеты и отдельные мотивы вплетаются в рассказы, основывающиеся на местных событиях. Так возникают новые местные редакции небылиц, при этом новый подтип может быть принят за рассказ, созданный талантливым местным повествователем. В свою очередь сами рассказчики могут быть героями многих своих рассказов. Таким образом, вокруг одного конкретного лица создается цикл рассказов, бытующий длительное время в местном репертуаре.

Примером рассказа такого типа, где из произвольно взятых компонентов международных сюжетов или мотивов составлен новый, с характерной для анекдота неожиданной концовкой, может служить анекдот, герои которого — охотники — соревнуются во лжи. (Ср. Андреев, № 1920 — «Состязание во лжи или ложь на пари»). В небылицах различных народов в перечень обычной лжи входят гиперболизированные до абсурда: предмет, дерево, корабль, птица, насекомое и т. п. В качестве лжи, исполняемой на состязаниях, можно представить и любую индивидуальную выдумку. Основной эффект шутке придает концовка. Вот запись одного из вариантов этого рассказа:

«Идет соревнование по рассказыванию небылиц, и один охотник говорит:

„Был я на охоте и стрелял в кабана, сбоку стрелял, а он так быстро повернулся, что пуля с другого бока уже на меня налетела“.

Все говорят: „Нет, где там, небылица — такое бывает!“

Второй охотник рассказывает:

„Вот, был и я на охоте и кабан так быстро стал на одном и том же месте крутиться, что пули летели как из пулемета“.

Все говорят: „Это бывает!“

Третий охотник рассказывает свою небылицу:

„Ну, был и я на охоте, вот есть захотелось. Вынул я бутылочку — бутылка с водкой была. Но смотрю, пробочник дома оставил, ничего не поделаешь, сунул я бутылочку обратно в рюкзак“.

Все закричали: „Нет, нет! Этого не бывает!“».

В современных анекдотах изображаемые звери зачастую антропоморфны, с типичными для данных зверей характерами. Трусливый и неудачливый заяц эстонских сказок в анекдотах — всегда умница (зайцы наряжаются как школьники, так что охотник считает одного из них своим сыном, водят за нос более сильных зверей и т. п.). Медведь в анекдотах утратил положение хозяина леса и выступает в роли глупца. Такого рода репертуар общеупотребителен и характерен не только для охотников, но и для работников лесного хозяйства.

В итоге следует отметить, что основной причиной бытования на современном этапе сравнительно богатого репертуара охотничьих рассказов (в условиях общего затухания устного народного творчества) можно признать потребность в повествовании с целью развлечения и наличие благоприятных условий для повествования. Для фольклористов рассказы об охоте и зверях являются интересной областью исследования, позволяющей объективно выявить современное состояние устной народной прозы.